

ПАЛЕОСЛАВИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ – 1

26–27 сентября 2016 г. Институт славяноведения РАН проводит международную научную конференцию «Палеославиристические чтения – 1», на которой предполагается заслушать и обсудить доклады, посвященные языку, палеографии и текстологии славянских рукописей X – XIV вв.

Аннотации докладов

Т. И. Афанасьева (С.-Петербург)

Чин крещения в древнеславянских Службениках

Доклад посвящен текстологии чина крещения в славянских требниках XIII–XV вв., выделению основных редакций и их датировке.

Г. С. Баранкова (Москва)

О некоторых графико-орфографических и языковых особенностях Новгородской кормчей 1280 г.

В докладе рассматриваются графико-орфографические и языковые особенности Новгородской кормчей 1280 года (ГИМ, собр. Синодальное, № 132, далее НК), представляющей раннюю русскую редакцию кормчих книг. Рукопись написана несколькими писцами (согласно палеографическому исследованию Е. В. Ухановой, в работе над ней участвовали 10 писцов). Анализ орфографии проводился с учетом правописания, характерного для каждого писца. Рукопись НК древнерусского извода, по правописанию в целом локализуется как новгородская. Примеры мены ц и ч (цоканья) весьма многочисленны и представлены у всех ее писцов. К числу ярких новгородизмов следует отнести мену ѣ – и. В рукописи НК нередко наблюдаются примеры использования новгородской бытовой системы письма (смещение ѣ–о, ь –е, ѣ–е). В сочетаниях *dj обычны написания с ж; для сочетания *zdj отмечены единичные случаи написаний с жг, которые могут быть отнесены как к новгородской, так и псковской диалектным зонам. Имеются примеры частичной нейтрализации противопоставления |в| и |у|, также свойственные древненовгородскому диалекту.

Из древнерусских языковых особенностей в докладе рассматриваются полногласия, фонетические и морфологические русизмы, которые в подавляющем большинстве случаев употребляются в русских по происхождению статьях (в Вопрошании Кирика, в Правилах митрополитов Иоанна, Кирилла, в Уставе о браках, в Сказании о черноризском чине Кирилла Туровского и др.), тогда как в текстах канонов и правил русизмы единичны. В то же время в канонических произведениях в большей степени представлены архаичные морфологические формы.

Е. М. Верещагин (Москва)

Тезисы о природе и эффективном издании древнейших славяно-русских служебных миней

Чтобы осуществить максимально эффективное издание определенного древнего текста, нужно предварительно полно понять его природу. Так, познание природы древнейшей

переводной славяно-русской Служебной минеи (далее: СМ) действительно позволяет предложить для ее публикации подходящую эдиционную методологию.

Некоторые характеристики греч. минейных текстов при рутинном слав. переводе воспроизводятся сами по себе (механически), другие воспроизводятся лишь отчасти и, наконец, еще другие не воспроизводятся совсем. Во-первых, к числу полностью воспроизводимых относятся т.н. «параллелизмы»: *морфемный, лексический, синтаксический и строчный*. Во-вторых, частично-воспроизводимы т.н. «дефициты»: *изосиллабизма и омотонии, (дистантной) синтаксической связности, аллюзивности и фоновый*. Наконец, в-третьих, невоспроизводимы т.н. «дивергенции»: *языковая, эрроническая* (от лат. *erroreus* «ошибочный», т.е. возникший вследствие ошибки) и *традирования*. Все помеченные курсивом феномены в докладе подтверждаются выписками из рукописи служебной минеи Син. 163.

Если воспроизводимые характеристики обеспечивают (для специалиста) внятность перевода, причем даже с восприятием его поэтичности, то характеристики частично-воспроизводимые и тем более невоспроизводимые заставляют или (что бывает чаще) останавливаться в апории или, что хуже, порождают ложное впечатление о якобы состоявшемся адекватном восприятии.

Соответственно докладчик разработал и применил особый билинейно-спатический эдиционный метод, позволяющий как снимать апорию, так и (с опорой на греч. оригиналы) добиваться правильного прочтения переводной гимнографии. Ее аллюзивность расширявается посредством затекстного межтекстового комментария. Эффективность метода и комментария иллюстрируется на материале той же минеи Син. 163, подготовленной автором к изданию.

А. И. Грищенко (Москва)

**Еврейские названия месяцев в средневековой славяно-русской книжности:
переводы с греческого и непосредственные заимствования
из семитских источников**

В докладе предполагается рассмотреть три группы названий еврейских месяцев в славяно-русской книжности: это 1) формы, заимствованные через греческое и латинское посредничество (древнейший образец содержится в Изборнике 1073 г., независимый от него перечень месяцев представлен в одном из сборников инок Ефросина втор. пол. XV в., отдельные названия встречаются в славянских переводах библейских книг; кроме того, изолированный поздний перечень, вероятно, переведенный с латыни, имеется в сборнике XVII в. из собрания Погодина РНБ), 2) формы, заимствованные непосредственно из древнееврейского языка (в перечнях виленского Измарагда XVI в. и сборника XVII в. из собрания Тихонравова РГБ, а также в календарно-астрономическом трактате по рукописи кон. XV в. собрания Троице-Сергиевой лавры), и, наконец, 3) россыпь сильно искаженных форм из азбуковников. Особый интерес представляет тот факт, что ряд форм во второй группе содержит следы их адаптации при участии носителей тюркских говоров. Примечателен и такой пример русско-ближневосточных контактов и непосредственного заимствования из арабского, как содержащиеся в календарном трактате по рукописи втор. пол. XV в. (из собрания Барсова ГИМ) названия сирийско-арабских месяцев, ранее неизвестные исследователям.

В. А. Дыбо (Москва)

Снова о «властях предержавших»

Несколько лет назад я написал статью «Ещё раз о властях предержавших». Меня заинтересовал вопрос: почему у слова «предержавшие» появилось значение 'высшие' и почему вместо нормального сочетания «предержать власть» (вин. пад.), где «власть» управляется глаголом, что было нормально как для старославянского, так и для древнерусского, «власть» стала согласоваться с причастием этого глагола. Эту работу я опубликовал в Сборнике к Юбилею Лефельдта. Но этот сборник вышел в Германии. А сейчас я обнаружил, что этот вопрос обсуждается в Интернете, причём с ссылками на мою статью (в своё время я ознакомил с ранним вариантом Юрия Леонидовича Воротникова). Л. Ю. Воротников так построил текст, что мои взгляды и доказательства явно извращены и приводят к противоположным выводам, при вполне корректном цитировании. Это убедило меня в необходимости публикации этой работы в России (в РФ).

В. С. Ефимова (Москва)

О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями

Нет сомнений, что в старославянском лексическом инвентаре имелись как однословные, так и несколькословные наименования. Тем не менее встречающиеся в текстах несколькословные наименования не всегда легко идентифицировать как единые (цельные) лексические единицы или как словосочетания. Границы между лексическими единицами и словосочетаниями, совершенно очевидные во многих случаях, иногда представляются «размытыми». В докладе предпринимается попытка обсуждать критерии отделения старославянских лексических единиц от словосочетаний.

Веселка Желязкова (София)

Figura etymologica в древнейшем славянском переводе книги Исход

Figura etymologica, определяемая как повторение семантически эквивалентных существительного и глагола от одного и того же корня, является характерным стилистическим приемом текстов Ветхого Завета. В докладе рассматривается ее употребление в древнеболгарском переводе Книги Исход. Подчеркивается, что переводчик успешно воспроизводит употребление этого приема в греческом тексте, копируя его на лексико-семантическом и стилистическом уровнях. Самая распространенная модель figura etymologica представляет собой сочетание существительного в творительном падеже и однокоренного глагола, но встречаются и случаи употребления существительного в винительном падеже и однокоренного глагола. Обращается внимание на случаи, в которых figura etymologica в греческом тексте не воспроизведена в славянском. Особенно интересны, однако, примеры, в которых figura etymologica в древнеболгарском тексте не зависит от греческого, что показывает, что в средневековых славянских текстах этот стилистический прием был живым явлением. В докладе проводится и параллель с современными текстами Ветхого Завета, в которых, из-за сильной архаизации языка, которую несет figura etymologica, в большинстве случаев она остается непереуведенной.

Заметки о древнеславянских претеритах

1. В индоевропейском языке имперфект появился в результате своеобразного претеритального удвоения после образования форм с вторичными окончаниями от основы презенса, в результате чего двухчленное противопоставление превратилось в трехчленное: 3 л. ед. ч. *bhéug-e-ti ~ *(e)-bhug-é-t > *bhéug-e-ti ~ *(e)-bhéug-e-t ~ *(e)-bhug-é-t. Поскольку внешнее текущее время презенса во вторичном претерите – имперфекте – стало внутренним в противовес внешнему времени претерита, образовалась потенциальная категория аспектуальности, которая в праславянском языке получила развитие.

2. Согласно Куриловичу, вариативность первичных и вторичных окончаний в конъюнктиве во 2 и 3 л. ед. ч. обусловлена образованием, помимо конъюнктивного презенса типа *bhéug-ē-ti, конъюнктивного имперфекта типа *bhéug-ē-t, при том что конъюнктивный аорист типа *bhug-ē-ti имеет реальные соответствия. Гипотеза Куриловича находит поддержку в древнеславянском материале, где новый славянский имперфект имеет, во-первых, основу на -ē-, во-вторых, связан с вариативностью первичных и вторичных окончаний в 3 л., в-третьих, может быть соотнесен с суффиксальным показателем *-s- первичного претерита – индикативного и конъюнктивного аориста типа *yeug-s-t ~ *yeug-s-e-ti. Сигматический аорист у славян является индоевропейским архаизмом.

3. Индоевропейский имперфект у славян был утрачен, поскольку имел маловыразительную бессуффиксальную форму. Аугмент у славян не получил распространения, а безаугментный имперфект употреблялся как инфинитив или императив. Тем не менее формы древнего имперфекта-инфинитива хорошо сохранились в древнеславянской системе асимметричного аориста, что обусловило, в частности, довольно обычное использование аористных форм несовершенного вида. Претеритальное удвоение и образование нового имперфекта в праславянском повторяет модель претеритального удвоения в индоевропейском.

4. Тесная связь имперфекта с категорией аспектуальности выразилась в специализированном употреблении глаголов совершенного вида в имперфекте. Как показал анализ источников, имперфект совершенного вида не являлся исключительной принадлежностью древнерусской языковой области, а имел праславянское происхождение.

5. Сам по себе термин «перфект» по отношению к древнеславянским образованиям *късьмь былъ* и под. следует признать весьма условным. Предположение о раннем распространении перфекта как универсальной формы прошедшего времени у восточных и северо-западных славян не имеет надежного доказательства, поскольку вплоть до XIV в. он фиксируется лишь в прямой речи и только на рубеже XIII–XIV вв. появляются примеры его нарративного использования. Универсальной формой отнесенности действия к прошлому являлось л-причастие, однако оно включалось в 4 типа аналитических образований, поэтому логико-грамматический акцент падал на вспомогательный глагол. Имея в виду удостоверительную семантику презенса в типичных конструкциях *ты ли къси? годъ ли ти къ?* и под., основное значение перфекта следовало бы определять как удостоверяющее реальность прошедшего в настоящем. В отличие от этого плюсквамперфект, как правило, имеет значение пояснительного, комментирующего прошедшего: *бъ бо и самъ былъ* и под.

В. Б. Крысько (Москва)

К новому изданию Успенского сборника

Малопрофессиональное, изобилующее ошибками издание Успенского сборника (М., 1971; см. отзывы Р. Айцетмюллера, Э. Благовой, В. Хока) вот уже почти полвека вводит в

заблуждение научную общественность. В то же время введение в научный оборот обширного собрания житийных и учительных текстов, уникального, в частности, благодаря тому, что в нем содержатся древнейшие списки оригинальных восточнославянских, оригинальных древнеболгарских и переводных древнеболгарских сочинений, существенно активизировало работу славистов и византинистов над источниками Усп. сб. и рукописной традицией входящих в него текстов (см. обобщающую библиографическую статью А. Альберти). Накопленные к настоящему времени знания позволяют приступить к подготовке качественно нового издания сборника, в котором корректное воспроизведение текста будет сопровождаться восполнением лагун по другим спискам, аппаратом разночтений, иноязычными параллелями, комментариями и квалифицированно составленными указателями.

Ж. Л. Левшина (С.-Петербург)

Древние славянские молитвы «от нежита» на амулетах X–XI веков и их аналоги в составе Требников XIII–XIV столетий

В докладе будут представлены результаты сопоставительного анализа апокрифических молитв «от нежита», зафиксированных на 6-ти славянских амулетах X–XI вв. и в двух древнейших списках в составе Требников — РГБ, Григ. 35 (XIII в.) и РНБ, Q.п.1.24 (XIV в.). Сравнению подвергся состав молитв (типы сюжетов), структура и особенности правописания. В результате проведенного исследования сделаны некоторые выводы о бытовании данных текстов у южных славян в ранний период истории славянской письменности, в том числе локализация древнейших молитв «от нежита» западноболгарским регионом.

А. Л. Лифшиц (Москва)

Два замечания о приписке дьякона Григория

Приписка дьякона Григория в Остромировом Евангелии рассматривается как образец изысканной лести и нетривиальной интеллектуальной игры.

И. И. Макеева (Москва)

«Слово о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского

«Слово о снятии тела Христова с креста и о мироносицах» – единственное из восьми бесспорно принадлежащих древнерусскому писателю риторических произведений, имеющее несколько редакций. Из них наибольший интерес представляет так называемая четвертая редакция – сокращенный оригинальный текст Кирилла Туровского с дополнениями из других произведений.

Новая версия Слова приурочена к вечеру пятницы страстной недели и уже не имеет в самоназвании имени «Кирилла мниха». В русской письменности четвертая редакция встречается в определенном литературном конвое сначала в нескольких сборниках 2-ой половины XV в. –XVI в., а по мере формирования Златоуста как особого типа памятников произведение включается в его состав. Таким образом, вероятным временем появления четвертой редакции можно считать середину – 2-ую половину XV в., а вероятной причиной – особую роль пятницы страстной недели в русской православной культуре,

выдающееся по силе воздействия «Слово о снятии тела Христова с креста и о мироносицах» древнерусского писателя и, что кажется самым важным, использование Кириллом Туровским в качестве источника Слова Епифания Кипрского, оказавшегося затем в литературном конвое четвертой редакции.

Светлина Николова (София)

Болгарская катена XIII/XIV века на Псалтырь и ее источники

Тексты древнейшего славянского перевода Псалтыри являются одними из наиболее подробно изученными текстами Кирилло-Мефодиевских переводов во всех их разновидностях. Их история уже выяснена во многих отношениях. Несмотря на этот факт, производит впечатление обстоятельство, что исследования и издания строятся обычно на очень узком круге рукописей, большинство которых выявлено и введено в научный оборот еще в XIX в., очень редко появляются новые данные о рукописной традиции до XIV в., не привлекаются к исследованиям даже давно известные списки. Это наблюдение относится в наиболее большой степени к толковым текстам, хотя в последние годы внимание исследователей к ним заметно усилилось. В докладе внимание сосредоточено на незнакомую до сих пор болгарскую катену на Псалтырь, обнаруженную в рукописи XIV в. Хотя кодекс известен и даже точно датирован с конца XIX в., до сих пор он никогда не привлекал исследователей Псалтыри, и о его содержании ничего не известно. Рассматривается содержание текста, а также сделана попытка определить источники включенных отрывков, используя как имена авторов, указанных на полях, так и сравнение с известными до сих пор комментариями Псевдо-Афанасия Александрийского и Феодорита Киррского, распространенными в средневековой славянской письменной традиции, особенно что касается большинства отрывков, о которых нет никаких указаний на полях. Устанавливается, что важное место в рукописи занимают комментарии Феодорита Киррского. Подчеркивается, что до сих пор неизвестно существование славянской катены на Псалтырь до XIV в. и отмечается, что до настоящего времени не обнаружено ни одного болгарского списка толкований Феодорита Киррского, хотя его комментарий на Псалтырь в древнеболгарском переводе изучался еще во второй половине XIX и в начале XX в., в особенности в связи с его древнейшим русским списком XI в.

Я. А. Пенькова (Москва)

Дискурсивные функции *futurum exactum* в древнеславянских памятниках письменности (старославянский, древнерусский и древнечешский)

В докладе рассматриваются дискурсивные функции т.н. *будущего сложного второго*, образующегося сочетанием вспомогательного глагола от основы **bǫd-* и действительного причастия на *-i*. Базовое значение второго будущего – результативность или – шире – релевантность по отношению к моменту референции в будущем, более конкретно реализующееся как *статально-перфектное* или *акционально-перфектное*.

Характер употребления и частотность структуры в древнеславянских текстах находятся в тесной зависимости от типа текста или текстового фрагмента (пассажа) и конкретной коммуникативной задачи в рамках данного фрагмента, а также от прагматических особенностей контекста. В древнерусских и старославянских текстах *футурум экзактум* встречается преимущественно в ирреальном типе дискурса в протазисе условного предложения, в котором функционирует как маркер *гипотетической посылки*.

Напротив, на основе употреблений структуры в аподозисе формируются функция *вывода*, *заключения* и некоторые другие, например, функция маркера *границы статьи*, характерная для некоторых в целом немногочисленных примеров из древнечешской письменности.

Обнаруживаются и более частные особенности: отчуждение говорящего от истинности информации или вовсе *имплицитное отрицание*, выражаемое вторым будущим в вопросительных предложениях, в передаче чужой речи или чужих мыслей. Отдельно рассматриваются также единичные случаи употребления второго будущего в нарративе.

М. А. Пузина (Москва)

В поиске греческих источников славянских переводных стихир: сложности и ошибки

Для каждого исследователя переводных древнеславянских памятников аксиомой является то, что наличие оригинального текста, с которого сделан перевод, значительно облегчает работу с источником, поскольку зачастую без оригинального текста перевод остается совершенно не понятным. Это касается как прозаических произведений, так и гимнографии. Однако при том, что в настоящее время нам доступно достаточно большое количество источников в изданном, в том числе и в электронном виде, проблема поиска оригиналов к переводным текстам по-прежнему имеет первостепенное значение. В последние годы нам пришлось вплотную заниматься поиском в рукописных хранилищах России и Западной Европы греческих оригиналов к стихирам славянского Минеяного стихираря, отмеченным в списках XII в. Результатом стало обнаружение 36 ранее неопубликованных греческих гимнов. В ходе работы нам пришлось столкнуться с известными трудностями, такими, например, как различия в славянском и греческом инципитах при полном совпадении остального текста или, напротив, одинаковые инципиты с дальнейшим расхождением содержания. Целью доклада является частичная презентация полученных результатов.

Т. В. Рождественская (С.-Петербург)

Богослужбные граффити конца XIV – первой половины XV вв. в церкви Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле в Новгороде

В докладе рассматриваются средневековые богослужбные граффити, сохранившиеся на столбах и южной и северной стенах новгородской церкви Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. По палеографическим и графико-орфографическим характеристикам эти надписи датируются концом XIV – первой третью XV вв. Их примечательной особенностью является наличие надстрочных певческих знаков, в т. ч. фитных начертаний, а также указаний на дни недели как на время исполнения того или иного песнопения. Особый интерес представляет процитированный полностью причастный стих, который в рукописной традиции читается в таком виде не ранее XVII в. Неоднократно встречаются и формы глагола «пѣти», «воспѣти». Характер цитат тропарей и стихир, сделанных по памяти кем-то из певчих или служителей волотовского храма, свидетельствует о распространения в этой среде Иерусалимского устава. Помимо этих граффити, в церкви сохранились многочисленные записи личных имен в форме Вин. падежа – часть своеобразных поминальных «записок» о здравии или упокоении, а также

многочисленне мастерки сделанные рисунки-граффити буквиц, всадников, птиц, растений. Своеобразие сохранившегося эпиграфического комплекса волотовской церкви отражает характер книжной и церковной певческой культуры Новгорода конца XIV – первой половины XV вв.

Виктор Савич (Белград)

**Дијалекат и књижевна норма у Михановићеву одломку апостола
(у светлости ширих српских књижевнојезичких прилика)**

Михановићев одломак апостола је остатак кратког праксапостола. То су два листа које је Франц Миклошич одлепио с корица Иловичког преписа Номоканона св. Саве из 1262. године, пронађеног на северу данашње Македоније, на простору деловања некадашње Пећке патријаршије. Листови су писани глагољцом у коју се местимично уносе поједина ћириличка слова, што добро илуструје актуелне прилике у дистрибуцији словенских писама на микропростору везаном за настанак књиге (ћирилица доминира у живој употреби, глагољица у преношењу старих текстова, особито у литургијској пракси). Будући да је првобитна књига преписана за потребе служења литургије на српскословенском језику у православној цркви, и да се датује крајем XII или евентуално почетком XIII века, просторно се мора везати за северозападни обод, вероватно саму периферију Охридске архиепископије. У њој је одражена старија литургијска традиција, али и локални књижевни језик на нешто архаичнијем ступњу од оног који ће постепено превладати у српским црквама (и пре оснивања самосталне архиепископије) под утицајем сталног прилива предложака са словенског југа.

Треба се посебно осврнути на то шта је словенски књижевни језик, а шта народни, односно дијалекат у последњој фази раног средњег века којој припада и овај одломак. Ранији преображај архиепископије са средиштем у Охриду у византијску црквену организацију (постепено након 1018/1019, нарочито после 1037. године), с нарастајућим значајем грчког као главног богослужбеног језика, омогућио је, у другом плану, регионално раслојавање словенског богослужбеног језика, без посебног интереса црквених првака да се очува његово круто јединство у склопу дозвољене богослужбене диглосије. Тим пре што је у српским крајевима одраније већ постојао локални изговор овога језика. Такав изговорни варијетет (по општој терминологији: језичка редакција старословенског језика), не увек правописно осавременењен, реализује се до времена конституисања српског народног језика више-мање у конвергенцији с њим, што највише налази одраза на плану вокалског система, мање консонантског, на детерминишућем, фонолошком нивоу (то би могло бити последица свеобухватног утицаја источнојужнословенског варијетета, значајно пре коначне хомогенизације српске редакције у XII и раном XIII веку).

Најрелевантније црте српске редакције у Михановићеву одломку апостола заступљене су без остатка (као ни у једном другом обимнијем српском књижевном извору тога времена), без инословенских наноса из млађих слојева који би ослабили њихову позицију. Постоје, разуме се, ограничене аналогije из истога времена. Исто тако, главни маркери климентовског варијетета старословенског језика овде су присутни, али без других, млађих, с истог, ширег простора. То потврђује наше начелно резонување да споменик припада некој ужој, локалној традицији која лежи на ивици домања охридских црквених утицаја. Осим што је књижевни језик овога споменика изговорно подређен стабилизваном српском народном језику (тј. испољава се као изграђена српска редакција), у њему је могуће дозрети и неке црте дијалекатског карактера, с различитим статусом на равни књижевног језика (иако се у српској науци узима да дијалекатско раслојавање углавном пада у наредно столеће). Ту је, између осталог, маркантни екавизам,

рани весник будућег устаљеног српскословенског изговора у Србији Немањића. У посматраном времену он је просторно изразито ограничен и стога подесан за прецизније локализовање културног круга на који треба ограничити настанак овога споменика. Све скупа помаже нам да одредимо појаву ове књиге на нешто ужем терену, њено место у сачуваном корпусу, али и да конкретније сагледамо шире прилике у српској писмености обрађиваног периода.

Ростислав Станков (София)

**Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода
Хроники Георгия Амартола: некоторые редкие слова**

Доклад подвергает всестороннему анализу несколько слов, которых можно отнести к категории сравнительно редких в древней славянской письменности. При всей недостаточности лексического критерия для локализации древних славянских переводов с греческого именно редкие слова могут быть показательными в этом отношении. Поэтому рассмотренные слова, наряду с другими доказательствами, представленными в наших предыдущих исследованиях, являются аргументом в пользу древнеболгарского происхождения первого перевода *Хроники* Георгия Амартола.

Петра Станковска (Люблина)

**Пергаментный фрагмент
кириллического апракос Евангелия в Ольштыне**

Лист пергамента из переплета книги 17-го века, которая хранится в ольштынской библиотеке Духовного семинаря *Nosianum* в Польше, можно в соответствии с двумя последовательными перикопами, которые читаются во вторую субботу (Мф 7.1-8) и в воскресенье (Мф 4.18-23) в Пятидесятнице, определить как фрагмент служебного апракос Евангелия, вероятно с 13-го или 14-го века. Несмотря на то, что текст фрагмента небольшой, в нем находятся интересные лексические варианты, которые частично встречаются в некоторых редакционных рукописях старославянского Евангелия, частично они в тектологической традиции этого текста не известны. В докладе предпринята попытка оценить эти разночтения.

А. А. Турилов (Москва)

**«Доброго» или «доблестного» архиепископа Мефодия
воспевал Константин Преславский?
(еще раз к реконструкции акростихов в канонах славянскому первоучителю)**

Наиболее распространенные в литературе реконструкции авторских акростихов в древнейших памятниках славянской гимнографии – канонах архиепископу Мефодию, написанных его учениками Константином Преславским и Климентом Охридским – базируются на допущении, что оба текста не имели изначально второй песни. Это плохо согласуется с тем фактом, что парные каноны в честь Константина- Кирилла, написанные первоначально на греческом, но несомненно служившие образцом для обоих авторов, эту

песнь включали. Исходя из этого автор предлагает реконструкцию акростиха канона Константина Преславского с эпитетом ДОБЛЯГО (а не ДОБРО), а каноне, написанном Климентом, полную форму имени автора.

Е. В. Уханова (Москва)

К вопросу об атрибуции миниатюры Милятина Евангелия

Доклад посвящен вопросам атрибуции миниатюры в т.н. «Милятином Евангелии» первой четверти XII в. Прежде всего, речь будет идти об определении ее сюжета, поскольку этот вопрос уже длительное время является дискуссионным и не нашел, с нашей точки зрения, удовлетворительного решения. Будет также уточнен вопрос о ее «более ранней» датировке, получивший распространение в историографии. В результате рассмотрения совокупности проблем, связанных с атрибуцией этого одного из древнейших восточно-славянских памятников изобразительного искусства, будет предложена новая трактовка его места в сохранившемся древнерусском наследии.

М. И. Чернышева (Москва)

Именования Богородицы в древней славяно-русской письменности

В раннехристианскую эпоху постепенно складываются именования Богородицы, которые получают дальнейшее развитие и закрепляются в гомилетической и гимнографической византийской литературе. Постепенно сформировалась достаточно стройная система именований, куда входят имена, эпитеты, образы и группа символов Богородицы с их особыми свойствами. Эта система сначала через раннеславянские переводы с греческого языка становится известной в славяно-русской письменности, затем традиция закрепляется в оригинальных (непереведенных) произведениях. Система именований Богородицы хорошо описана в научной литературе по византиноведению, однако материал славяно-русских произведений до сих пор не получил специального научного освещения. Автор восполняет этот пробел, представляя полную подборку именований Богородицы (их около 500), сохранившихся в древнейших славяно-русских рукописных и опубликованных произведениях; собранный материал соотнесен с европейской научной иконологической традицией.

А. К. Шапошников (Москва)

Текстология церковно-славянских житий Таврических святых: языковые свидетельства литературной фикции

Внимательное изучение текстов житий Таврических святых выявляет неопровержимые доказательства их литературной фиктивности. Языковые свидетельства лексикологического и ономастического характера не только разоблачают фиктивность текстов, но и некоторые методы их создания. Замечательной особенностью житий херсонских святых является возможность «подглядеть», как работали составители и редакторы житийных текстов всех видов. В докладе обсуждаются результаты детального анализа всего корпуса текстов.